

ЛЕА СТЕНБЕРГ

THE
WOLVES

ВОЛКИ

ВАРГ | ВЕУМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Стенберг, Леа.
С79 Волки. Варг | Веум : [роман] / Леа Стенберг. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (LAV. Темный роман на русском).

ISBN 978-5-17-175078-7

У тайного студенческого братства «Волки» свои законы. Все подчиняется Альфе — главному в стае, и только он решает судьбу каждого из них. Члены братства беспрекословно выполняют любые его приказы и делятся с вожаком всем, что он пожелает. Абсолютно всем.

Агнес — новенькая в кампусе. Членство в братстве — ее счастливый билет в новую жизнь, а внезапно вспыхнувшее чувство к лучшему другу вожака должно стать прочной базой для их совместного будущего.

Но, пройдя практически все вступительные испытания, девушка понимает, что самое сложное еще впереди.

Она оказывается перед выбором, когда Альфа озвучивает главное условие — Агнес должна делить с ним постель.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

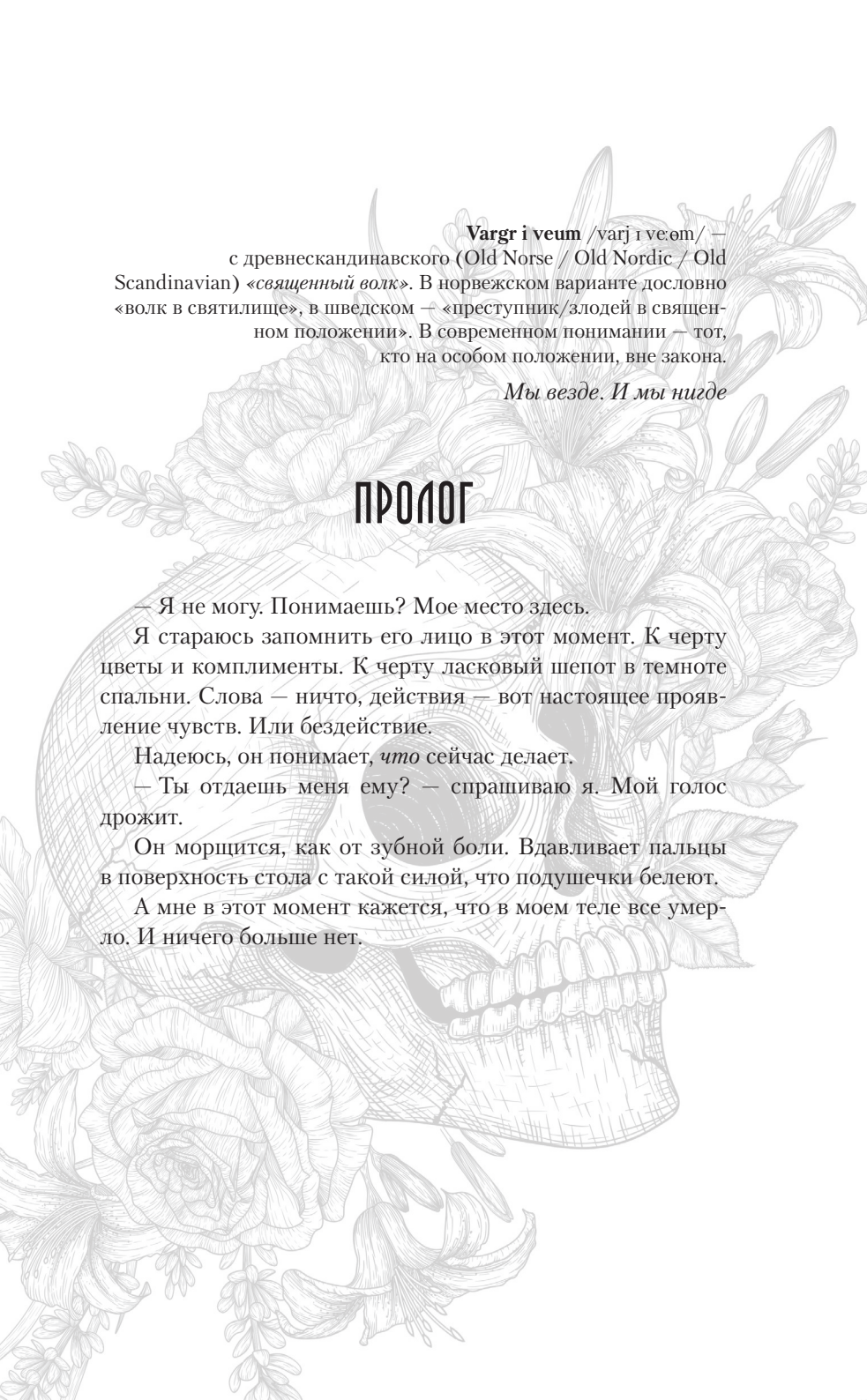
ISBN 978-5-17-175078-7

© Леа Стенберг, текст
В оформлении макета использованы материалы
по лицензии © shutterstock.com
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Никому не рекомендую читать эту книгу.
Если уж взялись, то забудьте о здравой логике
и ни в коем случае не примеряйте поступки
героев на себя.*

*Некоторые сюжетные линии написаны
по мотивам реальных событий.
Линия тайного братства волков основана
на теориях заговора, связанных
со студенческим сообществом,
название которого слишком известно
и слишком опасно, чтобы его называть.
Все совпадения случайны.*

Vargr i veum /varj i ve.əm/ — с древнескандинавского (Old Norse / Old Nordic / Old Scandinavian) «*священный волк*». В норвежском варианте дословно «волк в святилище», в шведском — «преступник/злодей в священном положении». В современном понимании — тот, кто на особом положении, вне закона.

Мы везде. И мы нигде

ПРОЛОГ

— Я не могу. Понимаешь? Мое место здесь.

Я стараюсь запомнить его лицо в этот момент. К черту цветы и комплименты. К черту ласковый шепот в темноте спальни. Слова — ничто, действия — вот настоящее проявление чувств. Или бездействие.

Надеюсь, он понимает, *что* сейчас делает.

— Ты отдаешь меня ему? — спрашиваю я. Мой голос дрожит.

Он морщится, как от зубной боли. Вдавливает пальцы в поверхность стола с такой силой, что подушечки белеют.

А мне в этот момент кажется, что в моем теле все умерло. И ничего больше нет.

ГЛАВА 1

Агнес

Сегодня у меня день рождения. Не думала, что мать помнит об этом, но вот — она ставит передо мной кусок чизкейка из местной пиццерии. Не торт, конечно, но лучше, чем ничего.

— Загадай что-нибудь особенное, Агнес. — Мама вымученно улыбается, втыкая свечу в самую середину куска. Она поджигает фитиль и садится напротив меня.

— Непременно, — отвечаю я, печально разглядывая лиловый синяк у нее под глазом. Он похож на темное закатное небо, но его происхождение отнюдь не столь романтично. — Это будет легко.

Я загадываю, чтобы отец сегодня не возвращался домой. Пусть остается там, где провел ночь. Разве я многого прошу? Один спокойный день, большего мне не надо. Всего один день без криков, драк и слез. Звучит идеально.

— Это то, о чем я думаю? — спрашивает мама.

Нет. Конечно, нет. Она даже не представляет, чем я живу и о чем мечтаю. Но отвечаю:

— Возможно.

Леа Стенберг

— Насчет университета?

Я мотаю головой.

— Именинная свеча не всесильна.

— Агнес. — Мама кладет свою ладонь на мою руку, и ее губы трогают виноватая улыбка. — Нельзя сдаваться. Если закрылась одна дверь, откроется другая. Стоит им только посмотреть на твои отметки...

— Мам, не надо.

— А твоё эссе — оно же великолепно!

— Мам. — Я делаю резкий вдох, затем медленный выдох, чтобы не сорваться. — Ты же знаешь, в этом мире все решают деньги, а не знания. Без гранта на обучение мне в Варстад путь заказан.

— Это не повод сдаваться.

— Но ты ведь как-то прожила без образования?

Она напряженно сжимает зубы и мотает головой.

— Посмотри на меня, — тихо говорит она. — Ты заслуживаешь лучшей жизни, Агнес.

— Как-нибудь справлюсь, мам, — произношу я, вздохнув, и вырываю руку.

То, как мама выглядит, — прямая заслуга моего отца, а вовсе не отпечаток тяжелой работы в рыбной лавке. Но она никогда это не признает.

— Но ты ведь уже отправила заявки в другие компании?

— Конечно.

— Тогда я уверена, что скоро тебя пригласят на собеседование.

— Помолюсь об этом, — усмехаюсь я.

Скрипит входная дверь, и мы замираем.

— Ешь, я пойду встречу папу, — говорит мама, подскочив с места.

Теребит рукав, пытаюсь улыбнуться, и я понимаю, что она до чертиков напугана.

— Мам, давай сбежим отсюда? — лихорадочно шепчу я, поднимаясь со стула. — Уйдем вместе. Навсегда.

— Что ты такое говоришь? — Она бледнеет. Ее губы дрожат.

— Он никогда нас не найдет, — тихо произношу я, подхожу и встряхиваю ее за плечи. — Обещаю!

— Агнес, ты говоришь про своего отца... — шепчет мать и, сглотнув, прислушивается к шагам в гостиной.

— Мам, пока не поздно, — почти умоляю я.

Она лишь молча качает головой. Струсила. Как всегда.

— Ты ведь знаешь, что сейчас будет. — Это моя последняя попытка до нее достучаться. — Матс в тюрьме, нас больше некому защитить!

Эти слова, кажется, на мгновение ее отрезвляют; я вижу, как расширяются ее зрачки, она делает глубокий, шумный вдох. А затем на ее лицо снова опускается пелена страха и покорности.

— Все будет хорошо, Агнес. — Ее голос предательски дрожит. — Ешь свой торг.

В порыве отчаяния я резким движением смахиваю чизкейк со стола. Он ударяется о стену и падает на пол. Мать тихо ойкает и втягивает голову в плечи.

— Наверное, ты все это действительно заслуживаешь, — рычу я на нее. — Может, тебе даже нравится. Иначе бы не терпела! — Я бросаю взгляд в сторону гостиной, откуда доносится пьяное мычание отца. — Но я терпеть не буду.

Толкаю заднюю дверь и выбегаю во двор.

Обегаю дом, спотыкаясь. Нужно уйти до того, как слышатся крики, иначе мне станет жаль маму, и я вернусь. Последний раз, когда я за нее вступилась, он вырвал мне клочок волос и оставил синие отметины на шее. Считай, легко отделалась. Но сегодня мне нужно выглядеть прилично, чтобы не упустить возможность заработать немного денег: Магда, хозяйка местного ресторана, обслуживает

Леа Стенберг

богатый прием, и ей не хватает официантов, поэтому она пригласила меня.

Я бегу по улице, размазывая слезы по лицу. Чувствую себя эгоисткой и мразью. Мать готова оправдывать отца, даже собирая выбитые зубы с пола, но я все равно не должна была сейчас бросать ее одну. Однажды она может просто не выдержать его побоев.

Чертова свеча! Я ведь загадала гребаное желание! Трудно было подарить мне хотя бы один сраный день?!

ГЛАВА 2

— Ты опоздала, — замечает Магда, когда я вхожу в подсобное помещение для персонала с восточной стороны здания.

Отсюда хорошо видно происходящее на технической кухне. Повара суетятся возле рабочих поверхностей и плит, а официанты вбегают, чтобы взять напитки или закуски, и тут же снова исчезают за дверью. Гремит посуда, воздух наполнен ароматами горячих блюд.

— Мне пришлось идти пешком, — оправдываюсь я. — Не знала, что прием будет в настоящем дворце на окраине города, сюда даже автобусы не ходят.

— Твоя форма. — Магда указывает в сторону небольшой раздевалки. — Быстро надевай — и за работу.

— Уже! — восклицаю я и радостно бросаюсь в указанном направлении.

Магда, может, и строга в общении, но на деле она настоящая душка. Тянуть на себе бизнес и двух маленьких детей, когда тебе всего лишь слегка за тридцать, не так-то просто. Без характера не обойтись: если не будет авторитета перед подчиненными, то все быстро развалится. Я подрабатывала у нее в ресторане вечерами последние три года и была очень

Леа Стенберг

благодарна Магде за такую возможность — эта работа буквально не дала мне сойти с ума и сдохнуть от голода.

Сняв с себя старый свалевшийся свитер, я швыряю его в один из свободных шкафчиков и застегиваю поверх футболки форменную бежевую рубашку официанта. Затем лихорадочно натягиваю брюки и опускаю взгляд на кроссовки, которые когда-то были белыми, а теперь выглядят неприлично поношенными и пыльными. Совсем не к месту в таком богатом доме, где проводят прием для важных шишек из министерства. Хватаю свитер и слегка протираю носки кроссовок рукавом. Может, никто и не заметит, что я неряха: официанты для богатеев словно призраки, пустые оболочки, их никто не замечает.

Вымыв руки и собрав волосы в низкий хвост, я вихрем врываюсь на кухню.

— Агнес, шампанское, — командует Магда, шелкнув пальцами.

— Есть, — киваю я и хватаю поднос.

Через несколько секунд я уже в залитом светом просторном зале, наполненном людьми. Мне никогда прежде не доводилось нести сразу шесть бокалов на тонкой ножке. Я боюсь разбить их, но страх мгновенно отступает на второй план, как только я погружаюсь в атмосферу происходящего и застываю в немом восхищении посреди толпы гостей.

Впервые вижу такое количество богатеев, собравшихся в одном месте. Здесь поражает все, на что падает глаз: убранство зала, блеск позолоченных люстр, шелест дорогих нарядов ухоженных дам, их надменные улыбки и застывшие лица, больше похожие на восковые маски. Даже звуки и запахи насквозь пропитаны роскошью: от ароматов парфюма до угощений из редких морепродуктов. *Здесь пахнет деньгами.* Непрстойно большими деньгами. У всей этой публики точно водятся и яхты, и бриллианты, и, может, даже золотые унитазаы.

— Папа купил ему спортивную тачку за то, что он лег в клинику в мае, — делится свежей сплетней с подружками какая-то кукла в лиловом коктейльном платье, когда я подхожу ближе.

Девушки берут с подноса бокалы, даже не глядя в мою сторону. Я и правда для них пустое место. А ведь мы примерно одного возраста.

— Хотела бы я, чтобы он меня прокатил, — хихикает одна из них, поглядывая куда-то в сторону камина, где собрались большой компанией парни их возраста в шикарных деловых костюмах.

— Расскажи потом, как там на заднем сиденье: не слишком скользко? — говорит другая. — Кожаный салон та еще засада.

— Эй, я не собиралась трахаться с ним в его тачке на первом же свидании!

— С Эриком так вряд ли получится, дорогая, — усмехается девушка. — Да и я бы не сопротивлялась, многие в этом зале убили бы за такую возможность!

Они смеются, а я, заметив, что мой поднос опустел, удаляюсь на кухню за новой партией напитков. Следующий час пролетает незаметно.

Я продолжаю разносить шампанское и жадно внимаю разговорам гостей. Игры в карты, охота, званые ужины, гольф, новые коллекции одежды от именитых дизайнеров — вот, кажется, и все, что входит в круг их интересов. Хотя нет. Пятеро мужчин где-то за сорок, выглядящих весьма серьезно, обсуждают не биржевые сводки или новую фискальную политику, а элитных шлюх, которых имели в прошлые выходные на лыжном курорте в уютном шале, принадлежавшем кому-то из них. Ни капли стеснения на лицах: они будто делятся отзывом об ужине в ресторане и обсуждают качество стейков. Буднично и просто. Да и чего стыдиться? Эти господа, похоже, обладают

Леа Стенберг

таким состоянием, что могут купить и уважение других гостей, и их благосклонность. По словам одного из них, у него даже есть личный самолет. И да, стюардесса тоже всегда готова встать на колени, чтобы отсосать ему, если господину приспичит.

Боже, куда я попала? Ну и развратники!

— Агнес, отнеси закуски, — просит Магда, когда я в очередной раз вхожу на кухню.

— Уже! — отвечаю я и подхватываю поднос.

Столы в зале и так ломятся от еды. Мне с трудом удается найти свободное место, чтобы пристроить туда блюдо с тарталетками из морепродуктов в сливочном соусе.

— Ну, как тебе мир толстосумов? — шепчет мне на ухо проходящая мимо Барбра, одна из официанток и по совместительству моя подруга.

Я усмехаюсь. Сейчас меня больше беспокоит мой урчащий живот, а не то, какое впечатление производит местная роскошь. От голода уже кружится голова. На работе в кафе всегда находится момент, чтобы умыкнуть из кухни слойку или кусок пирога и незаметно съесть в раздевалке, а здесь, в этой беготне, только и остается, что пускать слюни.

— Сказать тебе, что было не так с этими серьгами? — Уже знакомая мне кукла в шелковом платье останавливается у стола и начинает накладывать на тарелку десерты. Медовое печенье, бельгийские сливочные ракушки с орехами, шоколадные конфеты с посыпкой из миндальной муки и ванильной пудры. — Они жемчужные! Скажи, отстой?

— Жемчуг?! — изумленно восклицает ее подруга.

— О боги! — морщится еще одна. — Даниэль, серьезно?

— Я не какая-нибудь дешевка, чтобы принимать от парня такие подарки, — надменно заявляет кукла.

— Надеюсь, ты швырнула их ему в лицо?

Они смеются, а я удаляюсь прочь, размышляя, каково это — жить их жизнью? Если бы меня угораздило родиться

в одной из тех семей, что явились сегодня на прием, я была бы сейчас такой же, как эти девушки? Избалованной, капризной и высокомерной?

Задумавшись, чуть не врезаюсь в другого официанта. Прием обслуживает сразу несколько организаций, поэтому столы ломятся от закусок, а персонала едва ли не столько же, сколько гостей. В последний момент успеваю отойти в сторону, прижав поднос к груди, но чуть не сбиваю с ног... вот блин! Самого мэра.

— Все в порядке? — спрашивает он, придерживая меня за локоть.

Прежде мне доводилось видеть его лишь в газетах.

— Да, спасибо, — бормочу я, краснея.

Одарив меня легкой улыбкой, он удаляется к своим высокопоставленным гостям. Люди расступаются, чтобы дать ему дорогу. Каждый заглядывает ему в глаза, тянет руку для рукопожатий. Мэр с каждым перекидывается парой слов и идет дальше, но жадные взгляды с него не сходят.

— Кристиан Асп, — шепчет одна из дам, когда он пожимает руку высокому блондину в идеально скроенном темно-синем итальянском костюме. — Вот кто по-настоящему управляет городом.

— Если не всей страной, — восхищенно замечает другая.

Он реально выглядит так, будто в его руках сосредоточена власть над всем миром: это читается в его взгляде, осанке, холодной улыбке.

Я спешу убраться на кухню, пока никто не застал меня за разглядыванием гостей. Умыкнув в суматохе со стола небольшую брускетту с семгой, заворачиваю ее в салфетку и прячу в карман. Покончив с очередным подносом шампанского, я сворачиваю за одну из массивных колонн и вижу дверь на веранду, погруженную в полутьму. Зал заполняется голосом мэра, толкающего речь со сцены, и одобрительными

